

Матильда
СТАРР

Алиса
МУР

ОНА ЕГО
СОБСТВЕННОСТЬ

МИРАЯ

Матильда Старр
Алика Мур
Она его собственность. Мирая
Серия «Она его собственность»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39824533
SelfPub;

Аннотация

Ради спасения сестры мне пришлось заключить страшное соглашение. Отныне я принадлежу темному. Я – его собственность. И он вправе делать со мной все, что пожелает. Но в первую очередь ему нужны мои эмоции.

Так же издавалось под названием "Я – твоя собственность"

Содержание

Глава 1. Мирая	4
Глава 2. Мирая	11
Глава 3 Мирая	15
Глава 4. Мирая	20
Глава 5 Мирая	25
Глава 6. Лаорр	31
Глава 7. Лаорр	40
Глава 8. Лаорр	46
Глава 9. Мирая	51
Глава 10. Мирая	59
Глава 11. Мирая	65
Глава 12. Лаорр	68
Глава 13. Мирая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Алика Мур, Матильда Старр Она его собственность. Мирая

Глава 1. Мирая

Я лежала на каменном постаменте, чувствуя через тонкую ткань платья его холодную гладкую поверхность. Грубые веревки впивались в запястья и лодыжки. Хотелось прикрыться руками или хотя бы свести колени. Но ни то, ни другое сделать было невозможно. Сколько времени я здесь? Я не знала. Может, минуты. Может, часы. А может, минуты кажутся часами.

Тело затекло и ныло.

Неудобно. Жестко.

Жутко...

Главное – не шевелиться. При каждом движении разорванное платье соскальзывало, еще больше обнажая тело. Даже дышать я старалась не слишком глубоко.

Боги! Разве не глупо теперь об этом беспокоиться? О едва прикрытой груди, о беспомощной позе? Я ведь знаю, зачем

я здесь...

Я закрыла глаза. Если этого не видеть, будет не так страшно. Все в ритуальном зале наводило на меня ужас: темные стены, освещенные зловеще потрескивающими факелами и высокие потолки, по которым плясали багровые блики огня.

Страх... Тут не случайно так мрачно и жутко. Страх – это тоже эмоция. Страх – это тоже еда. Теперь все мои чувства станут пищей для чудовища. Ему нужны мои переживания, страхи и, конечно же, вожделение.

Минуты текли медленно, и больше всего мне хотелось, чтобы эта пытка неизвестностью скорее закончилась. Пусть уже все случится!

Наконец, раздались тяжелые шаги, гулко отдающиеся в каменном склепе, и голоса...

Он идет сюда не один? Это... как? Это... почему?

Ну, конечно! Судебный пристав описывал процедуру, но я почти не слушала. Ноги подгибались от страха, в голове шумело от унижения – я только что вернулась с осмотра тюремного врача.

– Альба-Мирая-Зета девственна, и может быть передана в собственность господина Лаорра в соответствии с древним соглашением, – дрожащим от торжественности голосом объявил этот извращенец, после того как отвратительно облапал меня в своей камерке.

Они еще должны меня передать. Соблюсти все формаль-

ности. Убедиться, что древнее соглашение не нарушено.

– Сразу после передачи вы можете воспользоваться вашим имуществом прямо здесь или доставить его туда, куда вам будет удобно. При необходимости все хлопоты о доставке мы можем взять на себя... – вкрадчиво говорил судебный пристав.

Я зажмурилась еще сильнее. Чудовище было уже близко, почти физически я ощущала его взгляд, скользящий по моему телу... Хотя... Не все считают темных чудовищами. Внешне они гораздо привлекательнее людей – высокие, темноволосые, статные. Но внешний лоск не меняет их жуткой сути.

Я лишь мельком видела его в зале суда. И сейчас смотреть не хотела.

– Ты пришла сюда по своей воле? – прогремел надо мной голос судебного пристава. Теперь он уже не звучал заискивающе.

– Да, – ответила я, стараясь говорить отчетливо и громко. По своей воле. Я сама предложила себя чудовищу. Как будто у меня был выбор! Но это часть ритуала, и я должна была сказать именно так.

– Отлично! Теперь я могу ее отвязать и забрать? – нетерпеливо поинтересовался мой теперешний владелец.

Владелец! Может ли быть что-то ужаснее для человека, рожденного свободным? Но это уже было не так важно. Пусть бы отвязывал меня и забирал скорее. Кто знает, мо-

жет, мне повезет: не выдержит сердце, и я умру во время его мерзких темных игрish.

О, если бы это случилось! Сейчас я готова была мечтать о скорой смерти.

– Боюсь, что пока не можете... – с деланным сожалением произнес пристав. – Вы же знаете порядок. Она дала согласие только на словах. Мы должны убедиться, что человеческое существо не подвергнется насилию. Что эта женщина в достаточной степени *откликается* на того, кто станет ее владельцем.

Я почувствовала, как горят мои щеки. *Откликается?! Я точно знала, что именно он называет этим словом...*

Мерзкий извращенец! Ему мало компенсации, которую они получают за удачно улаженное дело, он еще хочет посмотреть на то, как я буду стонать и извиваться в руках чудовища! На самом деле им плевать, чему там подвергнется человеческое существо. Владелец может меня даже убить... После того как заберет. Но до тех пор этот никчемный человек, маленький винтик судебной системы имеет право диктовать условия.

Следом за гадливым чувством нахлынула тревога: а что если мое тело не откликнется на ласки темного? Такое тоже может быть... Соглашение будет расторгнуто? Нет! Только не это!

Что же мне делать?

Мысли кружили вихрем – быстро и бестолково.

Я вдруг вспомнила, как взрослые женщины за работой говорили, будто бы могут притвориться... Когда муж пьян и отвратителен или давно постыл...

Да только как притворяться? Что изображать? Откуда мне знать это! Подробностей они не говорили, только многозначительно хмыкали.

Я почувствовала, что начинаю мелко дрожать. Впервые за сегодняшний день мне стало по-настоящему страшно.

– Думаю, мы можем как-то это уладить... – произнес темный почти презрительно, и я отчетливо услышала звон монет.

Сердце застучало быстро-быстро... Вот оно – спасение. Только бы этот боров согласился! А он должен согласиться, такие как он на все согласны ради денег.

– Мы неукоснительно чтим закон и традиции! – с фальшивым негодованием произнес судебный пристав. – И если требования кажутся вам слишком сложными или невыполнимыми, мы можем расторгнуть соглашение.

Теперь мое сердце замерло. Как он может так разговаривать с темным? Он хоть понимает, что творит? Темные славятся высокомерием и надменностью. И если сейчас моему владельцу наскучит пререкаться... О, нет! Только не это!

Если соглашение будет расторгнуто – все пропало.

Я буквально впилась в темного умоляющим взглядом. Почти молилась – пожалуйста, не отказывайся от меня. И вообще! Гадкое чудище! Тебе ведь нужна еда. Так жри!

Пауза тянулась, становясь почти невыносимой.

— Как скажете... — наконец холодно произнес тот, кому суждено было стать моим хозяином. Я с облегчением выдохнула, а он брезгливо велел приставу: — Отойдите подальше, вы мне мешаете.

Пристав послушно сделал шаг назад.

Темный обошел вокруг постамента, словно выбирая, с какого края приступить к своей трапезе. Я почувствовала, как напряглись мои мышцы, тело отказывалось слушаться. Мне хотелось крикнуть, чтобы он начинал скорее, не откладывая свой мерзкий обряд. Но я молчала. Мне нужно было молчать, позволяя ему делать все, что он захочет.

Он провел по щеке и лбу, убирая волосы. Я ощущала медленное движение его ладони по моей коже. Освободив лицо от спутавшихся прядей, он скользнул рукой по шее к груди. Я прерывисто и шумно выдохнула. Но в этом не было ни капли вожделения — один лишь страх.

Его ладонь оказалась на моей груди. Он провел рукой снизу вверх и зажал между пальцев сосок. Теплая волна пробежала по телу, пройдя сквозь него и задержавшись мимолетным, странно томительным ощущением внизу живота.

Я прикрыла глаза и постаралась забыть. Забыть о том, где я. О страхе и сомнениях. О том, что кроме нас с темным тут присутствует еще и соглядатай. Все это не должно было помешать.

И вскоре у меня получилось. Весь мир исчез, отошел на

второй план. Осталось лишь мое тело и руки, которые его ласкали.

Глава 2. Мирая

Еще одно касание рукой – неожиданно мягкое. И снова теплая волна по всему телу... Незнакомая, волнующая. Я на мгновение застыла, прислушиваясь к этому новому чувству. И темный словно замер вместе со мной. А потом провел подушечкой пальца по самой вершине соска. Ох! Я с трудом подавила вскрик, готовый сорваться с моих губ. Дышать было тяжело, словно я не лежала привязанная, а поднималась на гору...

И томящее ощущение внизу живота становилось все сильнее.

Вторая рука темного легла на другую грудь, и я тихо ахнула.

Значит ли это, что мое тело откликается? Если так, то он может прекратить прямо сейчас и забрать меня – туда, куда нужно. Подальше от этого места.

Но он не хотел прекращать. Одной рукой он продолжил ласкать мою грудь, а вторая скользнула вниз, раздирая остатки платья, оглаживая живот, бедра... Не притрагиваясь лишь внизу – там, куда сейчас словно стекались все ощущения от его прикосновений, как весною ручьи стекают в реку, заставляя ее выйти из берегов.

Теперь его уверенные руки, нагло и грубо гуляющие по моему телу, заставляли меня испытывать чувство, в котором

смешались горечь и сладость. Злость на него за то, что я лежу здесь – униженная, раздавленная, не принадлежащая себе. И при этом не могу противиться тому томительному ощущению, что нарастает внутри меня. До боли закусываю губы, чтобы жадный стон не срывался с них. И сама того не желая, подаюсь навстречу его рукам, требуя новой ласки.

А темный словно чувствовал каждую вибрацию, которую сумел вызвать в моем теле. Я сама еще отказывалась признавать, что его грубые ласки вызывают во мне желание, а он уже знал, что скоро я буду изнывать от этого ощущения.

Гадкий судебный пристав был прав: именно сейчас темный становился хозяином моего тела.

Я чувствовала себя игрушкой в его руках, слабой, лишенной всякой защиты. Он мог делать со мной все, что хотел. А я уже не понимала, боюсь я этого или хочу.

Затаив дыхание, я следила за тем, как он играет с моей грудью, теребя ее пальцами и заставляя нарастать тяжесть внизу живота. Его рука свободно, не встречая препятствий, скользила по животу и опускаясь ниже. Но каждый раз останавливалась, не достигая той самой точки...

Повинуясь каким-то древним инстинктам, я уже готова была сама двинуться ему навстречу. Тело пробивала мелкая дрожь то ли отвращения, то ли возрастающего вожделения. Мне было страшно признавать, что я уже сама хотела почувствовать его пальцы в самом сокровенном месте. Но он не торопился, словно получая удовольствие от той власти, ко-

тору ю миллиметр за миллиметром приобретал надо мной.

Внутри меня все пульсировало и требовало еще более по-стыдной ласки.

А темный явно наслаждался этим, не торопясь завершить дело. Он провел пальцем по моему животу, задержав его в пупке, а затем с силой надавив, медленно повел его вниз. А через мгновение я ощутила его на своем клиторе. Эмоции, наконец, одержали верх, и я, впервые с начала этой пытки, громко застонала.

По телу разлилась сладкая истома. А темный ласкал меня – умело и нежно, словно бы и не был чудовищем. От этого огонь внутри усилился, и я сама безотчетно двинулась вперед, позволив пальцу скользнуть внутрь. Я уже ни о чем не думала – натянулась как струна, бедра подались вперед, а воздуха катастрофически не хватало. А темный продолжал эту сладкую пытку до тех пор, пока внутри не напряглось, заставив меня выгнуться и полностью отключиться от внешнего мира, утонув в море новых ощущений.

Уже через минуту я почувствовала во всем теле небывалую легкость и бессильно опустилась на постамент. Внизу живота снова пульсировало, на этот раз освобожденно и удовлетворенно.

– Вы можете ее забрать, – словно сквозь туман услышала я осипший голос судебного пристава.

– А вы можете убираться к прародителям! – зло отчеканил темный.

Я почувствовала, как кто-то развязывает веревки, поднимает меня, помогая сесть.

– Посмотри на меня.

Я не стала.

– Сейчас же посмотри на меня, – приказал темный.

Я, впервые за все время, открыла глаза и позволила себе взглянуть на него. Кажется, он действительно красив. Впрочем, как и все темные. Аристократически бледная кожа, черные волосы и глаза того невероятно синего цвета, словно смотришь в глубь летнего неба перед грозой. И сейчас они, казалось, заглядывали мне прямо в душу. Так вот чего он хочет. Отобрать у меня не только тело, но и душу.

Но, кажется, он хотел совсем другого.

– Альба-Мирая-Зета! Скажи, кто тебя ко мне подослал?

В ледяном голосе отчетливо слышалась угроза.

«Никто!» – хотела я сказать чистую правду. Но не успела.

Силы покинули меня, и бездонная синева растаяла в разлившейся вокруг пустоте.

Глава 3 Мирая

Я пришла в себя от отвратительного запаха. Жуткая вонь! Запах бил в нос так резко, что хотелось чихнуть.

Я открыла глаза и увидела потолок. Обычный белый потолок, правда с богатой лепниной по краю. Ни темного мрачного зала, ни моего мучителя не было. Это что же получается, я упала без чувств? И хорошо так упала... Надолго. Во всяком случае, меня точно переместили, а я и не почувствовала ничего.

Немного повернув голову, я встретила глазами со склонившейся надо мной немолодой человеческой женщиной. Та держала в руке небольшой пузырек из темного стекла, которым водила у меня перед лицом. Я громко чихнула. Ну и гадость же суют мне под нос!

– Нюхательная соль, – в ответ на мой немой вопрос пробурчала женщина и убрала, наконец, пузырек от моего лица. По ее тону трудно было понять, как она ко мне относится. – Надо же было привести тебя в чувство.

Надо? Я вот совсем не была в этом уверена, потому что вместе с чувствами вернулось и понимание того, какая незавидная доля мне теперь уготована. Нахлынули воспоминания, от которых щеки запылали. Сейчас, здесь, все, что произошло в ритуальном зале, казалось мне еще более постыдным. Но еще хуже было то, что мне это было приятно. Гадко,

отвратительно, но приятно.

А потом сердце сжала ледяная рука страха. Я вспомнила последние слова темного: «Кто тебя ко мне подослал?». И звучали они точно недружелюбно...

Женщина на мгновение повернула голову, ставя пузырек с нюхательной солью куда-то над моей головой, и я увидела вытатуированный на ее щеке узор. Метка слуги темных.

К обладателям таких узоров в городе относились двояко. С одной стороны, они не были свободными людьми, и поэтому в человеческой иерархии занимали самое низкое место. С другой – их побаивались. Как и к любому другому своему имуществу, к слугам темные относились ревностно. Обидишь такую – того и гляди получишь крупные неприятности. Лучше не связываться...

Пока служанка темного перебирала что-то, звякая стеклом, я украдкой огляделась. Комната, куда меня принесли, была большая, но уютная. Светлые, почти белые стены с едва заметным рисунком, янтарно отсвечивающий пол. Высокий шкаф со строгими дверцами, рядом большое зеркало от пола до потолка в тяжелой резной раме. Еще одно зеркало, поменьше, над чем-то вроде столика, заставленного коробочками и склянками. Небольшая кровать, застеленная белоснежным бельем, даже на вид мягким и приятным, пара изящных стульев и диванчик, на котором, собственно, я и лежала, укутанная в мягкую накидку из дорогой шерсти, явно принадлежавшую темному.

Надо же! Не побрезговал укутать грязную дворовую девочку в дорогую вещь. Впрочем, кто знает. Может, как только ее с меня снимут, он прикажет ее сжечь. У богатых свои причуды. Хорошо живут, раз даже рабыню по соглашению помещают вот в такую вот роскошь, что мне и во сне не снилась.

– Тебе нужно принять ванну и переодеться, – женщина оставила в покое свои склянки и, приподняв мои волосы, окинула меня оценивающим взглядом.

На ее лице явно читалось сомнение: точно ли получится из этого сделать что-нибудь более или менее привлекательное. Но ей хватило такта не сказать об этом вслух.

– А потом я попытаюсь привести тебя в порядок, – сказала она и вздохнув, добавила: – Думаю, это будет непросто...

А нет, все-таки такта не хватило.

– Поторапливайся! Через два часа ты обедаешь с господином, и лучше бы к этому времени тебе быть во всеоружии.

«Лучше бы к этому времени мне умереть!» – с горечью подумала я, но, кажется, договором такой вариант не предусмотрен. Я поднялась с дивана, слегка покачнувшись, так что мне пришлось опереться на руку женщины, и нетвердой походкой пошла туда, куда она мне указала.

За эти два часа женщине и вправду удалось сделать невозможное. Все это время она не особенно заботилась о том, чтобы хотя бы казаться тактичной. Она вылиwała на мои волосы горячую воду, омывала их ароматными травами и мас-

лами, не переставая ворчать:

– Волосы густые, они бы могли украсить любую женщину, если бы не висели как пакля. Лучше укоротить их вдвое и достойно ухаживать, а не превращать в такое вот уродство...

Посмотрела бы я на нее, если бы она жила моей жизнью! Когда даже на то, чтобы пройтись гребнем по волосам и переплести косы, не каждый вечер хватает сил. А обрежешь – соседки тут же начнут судачить: «Никак Мирая по древнему ремеслу пойти собралась!». И мерзко при этом хихикать.

– Тело красивое, – не унималась служанка темного, – да только чересчур худосочное и тонкое. Господин любит женщин крепкого сложения, они выносливее... Если ты понимаешь, о чем я.

Я не понимала. Но от этого ее «выносливее» мне становилось жутковато. Что еще мне предстоит выносить?

– Грудь неплохой формы, но могла бы быть и побольше. Слишком много лишней ткани в лиф пойдет, – продолжала недовольно бурчать она.

Неужели совсем недавно я считала себя привлекательной? Даже красивой! Восхищенные мужские взгляды и завистливые женские говорили мне об этом лучше всякого зеркала.

А теперь за какой-то час эта женщина с татуировкой на лице переменила мое мнение о себе полностью. Вот, оказывается, я какая. Невзрачная. Худосочная. Неухоженная...

Только вот еще через час, когда она закончила с приготовлениями и поставила меня перед зеркалом, мое мнение

переменилось снова.

В зеркале отражалась удивительная красавица. Огромные глаза, аристократическая бледность. На нее ушло много пудры! Откуда взяться настоящей бледности у той, что весь день проводит на солнце. А волосы... Мягкие, пышные, блестящие локоны шелковым водопадом стекали до самой талии, слегка приподнятые на висках.

Встреть я эту девушку, что видела сейчас в зеркале, на улице – взглянула бы на нее презрительно. Аристократка! Темная!

Хотя нет, не взглянула. Побоялась бы. Даже поднять глаза – и то бы побоялась.

– Неплохо, – довольно пробормотала служанка, окидывая меня критическим взглядом, что-то поправляя и одергивая. – Ладно, хватит пялиться. Нельзя заставлять господина ждать.

То, что я выгляжу «как благородная», кажется, вовсе не меняет моего статуса в этом доме. Как там говорил пристав? Вы можете забрать свое имущество...

Вы можете украсить свое имущество. Вы можете покормить свое имущество. Вы можете допросить свое имущество.

И вот этого «допросить» я боялась больше всего.

Глава 4. Мирая

В том, что случилось, была только моя вина, так что стелать «Ах, за что мне это всё!», наверное, не стоило.

Когда ты в одиночку присматриваешь за двенадцатилетней сестрой, нельзя ни на минуту забывать, что за ней нужно действительно присматривать. То, что тебе приходится работать с утра до вечера, лишь бы прокормить вас обеих, не оправдание.

Я должна была беспокоиться, когда Риаса стала слишком часто заговаривать о том, что скоро мы разбогатеем, что она купит мне самые красивые платья, а еще о том, что мы обязательно переедем в район за мостом. Туда, где за ажурными белыми заборчиками стоят аккуратные домики зажиточных горожан.

Я списывала это на детские мечты и рассеянно кивала: «Да-да, конечно!». Когда ты думаешь о том, как распределить те гроши, что остаются после встречи с домовладельцем, так, чтобы не замерзнуть, не голодать, да еще и прикупить какую-то одежду, тебе не до душевных разговоров.

О том, что это были не мечты, а совершенно дурацкий план, я узнала слишком поздно. Оказалось, глупая девчонка целых два месяца собирала жалкие монетки, которые я давала ей на сладости, чтобы жизнь не казалась совсем уж пресной и безрадостной. Собирала, чтобы оплатить ускоренные

курсы воровства.

Курсы воровства!

Пусть руки отсохнут у того, кто это придумал! И язык тоже пусть отсохнет. И вообще, пусть боги покарают его, и у него отсохнет все сразу!

Чему она там училась, я, наверное, уже не узнаю. Вряд ли мы теперь когда-нибудь увидимся... Но результатом была нелепая, глупая, идиотская попытка срезать кошелек с серебром у темного. У темного!

И вот уже моя сестра, моя Риаса, единственный мой близкий человек в этом мире, сидит в клетке в зале суда и смотрит на окружающих сквозь решетку огромными перепуганными глазами. Худенькие плечи, застиранное платье и ужас, нескончаемый ужас в затравленном взгляде.

Время замедляет свой бег, а судья произносит то, во что я не могу даже поверить. «Двадцать лет исправительных работ на руднике Итар!» – гремит под сводами и по рядам проносится тихий вздох.

Двадцать лет.

Это издевательство, а не решение суда. О каких двадцати годах он говорит! Перед ним ведь худенькая, слабая девочка, совсем еще ребенок. Она не выдержит там и года. И это для нее будет даже лучше...

Отчаяние – глухое и безнадежное – пронзает мое сердце, словно острый нож. Перед глазами темнеет, а воздуха ощутимо не хватает.

И вот я будто со стороны слышу свой голос:

– Я заявляю о компенсации! Я готова предложить себя, согласно древнему соглашению.

Тут же взоры всех присутствующих обращаются ко мне. По залу идет оживленный гул. Люди перешептываются, ухмыляются, хихикают. О да, заседание перестает быть скучным и становится весьма пикантным.

Но я не смотрю ни на кого, я не смотрю даже на сестру, которая подняла на меня перепуганные глаза и сейчас в ужасе мотает головой. Я смотрю на того, кто присутствует в этом зале, хотя, казалось бы, ему нечего тут делать. Его высокую статную фигуру скрывает длинный плащ с капюшоном – и невозможно рассмотреть лицо.

Но разве можно скрыть темного, если он находится среди людей!

Я вижу, как алчно загорелись глаза судьи. Да-да, для него рядовой и довольно тоскливый процесс начал превращаться в выгодное дельце.

– Подтверждаете ли вы, что достигли совершеннолетия? Что не являетесь чьей-нибудь собственностью и можете распоряжаться собой?

– Да, – отвечаю я.

– Подтверждаете ли вы, – судья похотливо облизнул губы, – что вы девственны?

Теперь уже весь зал замер, глядя на меня. Я почувствовала, как пунцовеют мои щеки, и, наверное, громче, чем сле-

довало, ответила:

– Да.

Надеюсь, больше вопросов не будет. Это совершенно невыносимо.

Ко мне вопросов действительно не было. Судья словно потерял ко мне всякий интерес, теперь он заискивающе смотрел на того, кто присутствовал в этом зале. На темного.

– Господин Лаорр, – вкрадчиво начал он, – считаете ли вы эту девушку достаточно привлекательной, чтобы взять ее в качестве компенсации?

Словно удар под дых. Вот этого я точно не ожидала. То есть он еще и может решить, что я недостаточно хороша? Ну конечно, а что я думала. У темных есть выбор. У них всегда есть выбор, в отличие от людей.

Ненависть боролась в душе со страхом. Бессонные ночи, после того как я узнала, что сестра в тюрьме, явно не пошли мне на пользу. Выходя из дому, я даже не взглянула в зеркальце. Мне было не до того. И уж точно я не стала припудриваться рисовой мукой... У меня ее даже не было. А теперь моя нелепая оплошность может стоить жизни сестре. Разве прощу я когда-нибудь себе такое?

Темный повернулся и бросил на меня быстрый взгляд. Не думаю, что он успел меня толком рассмотреть.

– Да, – недовольно буркнул он. – Я хотел бы уладить все формальности как можно быстрее, у меня мало времени.

Я облегченно вздохнула. Облегченно и обреченно. Что бы

ни случилось теперь со мной, сестра спасена. Ее передадут под опеку тетки – женщины вздорной, но по-своему неплохой. Уж она-то точно не допустит, чтобы подопечная во что-то впуталась.

Нет, безусловно, жизнь Риасы не станет лучше без меня. Но, по крайней мере, она продолжится... Моя сестренка повзрослеет, выйдет замуж, нарожает детей... Надеюсь, она будет счастливо.

И то, на что я согласилась, – не такая уж и высокая цена за все это...

Мы со служанкой миновали коридор и остановились перед огромной дверью. Женщина с татуировкой на лице еще раз придирчиво меня осмотрела, поправила выбившуюся прядку и с неожиданной горечью сказала:

– Ну, помоги тебе боги...

И распахнула передо мной дверь.

Глава 5 Мирая

Я сделала шаг за дверь и остановилась, пытаясь успокоиться, выровнять дыхание. Сердце колотилось с такой скоростью, что казалось, еще немного – и оно просто не выдержит, разорвется. Это было бы очень кстати... Но вряд ли следовало рассчитывать на такое везение.

Я оглядела помещение, в котором оказалась. Огромный светлый зал утопал в золотистом сиянии. Оно будто исходило ото всюду: от стен, покрытых изящной позолоченной лепниной, от пола, который был словно вылит из цельного куска золота, от массивных хрустальных люстр, свисающих с куполообразного потолка. В высоких канделябрах, опоясывающих зал по периметру, горели тысячи свечей, но их теплое мерцание лишь подчеркивало вычурность обстановки.

Впрочем, чего еще можно было ожидать от темного? Он богат, и такие излишества для него нечто обыденное.

К страху, который тяжелыми тисками сжимал сердце, добавилась злость. Темные! Пока они жиреют в своих золотых дворцах, такие как я и моя бедная маленькая сестренка вынуждены влачить жалкое существование на задворках жизни...

Стоит ли об этом думать сейчас? Вряд ли.

В центре зала располагался длинный обеденный стол. Взгляд скользнул по поверхности, уставленной многочис-

ленными блюдами, и в следующее мгновение погрузился в омут синих бездонных глаз.

Во главе стола сидел темный. Возвышался угрожающей глыбой.

Не произнося ни слова, он продолжал сверлить меня ледяным взглядом. Даже теплое освещение зала не могло скрыть аристократической бледности его лица. Черные как смоль волосы отливали блеском, губы были вытянуты в жесткую линию. Он осматривал меня придирчиво, словно вещь в лавке. И, кажется, остался не слишком доволен осмотром.

– Подойдите ко мне, – наконец раздался бесстрастный голос, и, к своему собственному удивлению, я тут же повиновалась.

Откуда-то из глубины души поднимался глухой первобытный ужас.

– Вы голодны. Присаживайтесь...

Он жестом указал мне на тяжелый стул с высокой спинкой.

Я осторожно опустилась на стул, окинула взглядом изобильный стол и поняла, что действительно очень голодна – сегодняшние события не оставили места не только для еды, но даже для мыслей о ней. Взяла первое попавшееся блюдо и придвинула к себе. Из десятка приборов выбрала самый знакомый – вилку. И приступила к трапезе, стараясь не хватать пищу слишком уж жадно.

Если я и нарушила какие-то правила этикета, темный ни

взглядом, ни словом не дал этого понять.

Слуга – немолодой мужчина с той же татуировкой на лице, что и у сварливой служанки, – налил что-то рубиново-красное в мой кубок. Я сделала вид, что пригубила напиток. Не думаю, что стану это пробовать.

Темный считает, что меня кто-то подослал... Он явно не в духе. И наверняка мне не понравится то, что он скажет.

– Я нашел вашу сестру, – неожиданно начал разговор мой нынешний владелец.

Я вздрогнула.

Нет! Он не может!

Страх за сестру оказался куда сильнее, чем ужас перед темным, и я воскликнула:

– Не трогайте Риасу! Она должна быть свободна! Мы ведь заключили соглашение...

Под его тяжелым взглядом я замолчала.

– Я предпочитаю честные контракты, – равнодушно сказал темный. – Насколько я понял, для вас жизненно важно благополучие этой девочки. И потому счел необходимым о ней позаботиться. Женщина, которой ее передал суд, не слишком подходит для этого. Она жадная и не слишком разборчива в средствах – плохое сочетание. Мой управляющий – большой специалист по людям... Он уверял, что с такой опекуней рано или поздно ваша сестра окажется в веселом доме.

Я вспыхнула. Веселый дом?! Да этот темный бредит! Тет-

ка бы никогда... Я хотела возразить, но он остановил меня жестом.

– Я отправил ее в школу для девочек в Гезнии. Это заведение считается одним из лучших. Там к воспитанницам относятся без лишней строгости. Она получит образование и шанс на достойную жизнь. Почему вы не едите?

– Спасибо, я уже не голодна...

Неправда. Я по-прежнему хотела есть, но теперь у меня кусок в горло не лез. Достойная жизнь? Чушь. С чего бы ему заботиться о чужом ребенке?! Нет, он явно сделал это неспроста. И уж точно для какой-то своей личной выгоды.

Боги! Я ведь ожидала от темного любой подлости. Но не такой! Теперь моя сестра в его руках...

– Подойдите ко мне! – повелел он.

Я поднялась со стула и приблизилась. Остановилась рядом, избегая смотреть в глаза. Темный высок. Даже сейчас, когда он сидел на стуле, а я стояла рядом, я лишь совсем немного возвышалась над ним.

Кажется, он тоже это заметил.

– Опуститесь! – недовольно приказал он.

Я замешкалась. Что он имеет в виду? Бухнуться на пол в этом роскошном платье? Это казалось невозможным. Я привыкла беречь вещи, даже не такие дорогие.

– Ну же! – нетерпеливо добавил он, и сомнения тут же развеялись.

Ноги словно сами собой подкосились, и я рухнула на пол.

Пышная юбка смягчила удар от падения. Теперь все было правильно. Я сидела у его ног. Занимала отведенное мне место. И смотреть должна была снизу вверх. Только вот заглядывать ему в глаза не хотела, поэтому просто уставилась на сияющий чистотой мраморный пол.

Но, кажется, у темного были другие планы.

Он поднял мою голову за подбородок и уставился мне прямо в глаза. Провел большим пальцем руки по губам, словно пробуя их на ощупь. Затем его рука скользнула по шее, опустилась к декольте и по-хозяйски нырнула в лиф.

Я вздрогнула, вновь ощутив его горячие пальцы на моей груди. Воспоминания о том, что случилось ранее, нахлынули жаркой волной, заставляя дышать чаще... Или дело тут не в воспоминаниях?

Возбуждение – горячее, жгучее, душное – прокатилось по телу жаркой волной.

Темные имеют особую власть над людьми. Надеюсь, все мое возбуждение, этот волнующий трепет – ненастоящие. Он заставляет меня это испытывать... Это как гипноз, как наваждение, как морок... Это не я. Это не могу быть я.

По телу пробегали знакомые уже жаркие волны. Губы стали слишком сухими, хотелось их облизать, дышать было тяжело.

Я подняла взгляд на темного – и меня словно окатило ледяной водой. У него было совершенно отсутствующее выражение лица, его глаза не горели ответной страстью. В нем

вообще не было никакой страсти. Он будто машинально ласкал мою грудь, думая о чем-то своем...

Я замерла.

Он перевел на меня рассеянный взгляд.

И сказал то, чего я не ожидала услышать:

– Вы солгали. Вы все еще голодны. Никогда больше не лгите мне. Закончите трапезу и ступайте в свою комнату.

После этого встал и быстро вышел из зала.

Я поднялась с пола, оправила платье и уселась за стол. Раздумывать о том, что сейчас случилось, почему темный выпустил меня из рук, не хотелось. Теперь, без его пронзающего взгляда, аппетит вернулся, и я с удовольствием принялась за еду.

Но едва закончив трапезу, я снова вернулась мыслями к своему теперешнему хозяину.

Итак. Он больше не спрашивал меня, кто меня подослал. Однако он почему-то был на меня очень зол. И уж точно не из-за того, что я отказалась от еды. Но главное – Риаса. Риаса теперь у него, а значит, я действительно полностью в его власти. Теперь я не имею права даже умереть.

Глава 6. Лаорр

Лаорр вылетел из зала и быстрым шагом направился в свое крыло замка. Спокойно находиться рядом с этой девушкой не было никакой возможности. Ему следовало побыть одному, чтобы решить, что с нею делать дальше.

Она не лжет.

Нет, конечно, она солгала ему, что не голодна. А еще она с трудом сдерживает ненависть и презрение, когда смотрит на него. Но во всем остальном – не лжет. И то, что эта девушка оказалась в его замке, а он – в самом глупом положении из всех возможных, действительно нелепая случайность.

За те несколько часов, что Мирая провела в своей комнате, приходя в себя и готовясь к обеду, Лаорр успел многое выяснить.

Не то чтобы он был излишне подозрительным, но ситуация с самого начала казалась странной. Мелкая воровка, срезающая кошель у темного, причем так неумело, что ее тут же ловят, потом невероятный приговор, потом ее сестра, воспользовавшаяся этим приговором и предложившая себя по древнему соглашению, о котором все давно забыли.

Но главное – то, что случилось в том отвратительном подвале. То, чего никто не заметил. То, что не давало покоя...

Лаорр привык действовать быстро. Быстро раздавать приказы, которые неукоснительно исполнялись.

Его люди нашли ее сестру и доставили в замок. Обычная рыжая девчонка. Правда, дерзкая и смелая... Первым делом обругала его такими словами, которые не в каждом кабаке услышишь. Потом потребовала «немедленно отвечать», что с сестрой, хоть и дрожала от ужаса.

Как там ее, Риаса?

Впрочем, одного его особого взгляда хватило, чтобы дерзость исчезла, будто ее и не было. Теперь девчонка глядела на него перепуганными глазами и клялась, что никто ее к нему не подсылал. Она решилась покуситься на его имущество лишь потому, что была уверена: в кошельке любого темного полно серебра.

Это было настолько глупо, что вполне могло оказаться правдой.

Лаорр велел служанкам умыть и переодеть нищенку – кто знает, вдруг на ее теле спрятаны амулеты, скрывающие правду. Но нет. Когда Риаса предстала перед ним уже в новой одежде, она говорила то же самое. И это по-прежнему было правдой.

Лаорр в задумчивости смотрел на сестру Мираи.

Девчонка обещала вырасти прехорошенькой, а ее тетка, похоже, особой щепетильностью не отличалась. Управляющий доложил, что она сама привела девчонку в замок, запросив за это какие-то гроши и даже не поинтересовавшись – зачем... Будущее сестры Мираи могло быть очень грустным. И хотя ему было абсолютно наплевать и на рыжую воришку,

и на ее будущее, что-то мешало Лаорру просто выставить ее за дверь. Что-то...

Может быть, шестое чувство, что проявлялось иногда холодком в затылке, как смутное предвкушение опасности. А с шестым чувством Лаорр никогда не спорил.

Мысль о школе-пансионате пришла ему в голову внезапно. И это была отличная мысль. Он тут же отдал распоряжение пристроить малявку в приличное место с соответствующими указаниями для персонала: никого к ней близко не подпускать. Никаких посетителей. Не то чтобы он ее в чем-то подозревал, но ту, что постоянно жила рядом с Мираей, ту, что случайно или намеренно могла узнать о ней что-то лишнее, лучше держать под контролем.

Кроме того, он рассчитывал, что его новая игрушка оценит этот широкий жест. Как выяснилось позже – зря надеялся.

Лаорр не закончил на этом свое расследование.

Он велел отыскать и тех, кто обучал девчонку «воровскому мастерству». Их доставили очень быстро. Но и это оказалось бесполезно. Он говорил с ними лично. Гадкие, неприятные типы, сотканые из алчности и лжи. У них была только одна задача: запудрить мозги неудачникам и выманить у них деньги. Никаких потайных умыслов.

Так что ничего, бросающего хотя бы тень подозрения на Мираю, он не нашел.

Лаорр вошел в свои покои и развалился на диване в глу-

бокой задумчивости. Собственно, думать тут нечего. Мирае не место в его замке. Он должен от нее избавиться. Должен был избавиться сразу, как только понял, что она собой представляет.

Почему же до сих пор этого не сделал? Потому что за последние годы к нему в руки не попадалось ничего, столь же интересного? Пожалуй.

Даже сейчас мысль о ней заставляла сердце биться быстрее...

Лаорр погрузился в воспоминания.

Почему он вообще пошел на судебный процесс сам, а не отправил управляющего, как это и следовало сделать? Тут все просто: у него были дела в той части города. Да и было любопытно посмотреть, что станет с глупой девчонкой. По его разумению, ее следовало хорошенько отшлепать и опра- вить к родителям... Но у человеческих судей на это мог быть свой взгляд.

Однако, явившись в зал, он быстро потерял интерес к «преступнице». Его взгляд привлекла ее сестра...

Девушка была настолько красива, что даже темные круги под глазами и чрезмерная худоба не могли этого скрыть. Но не столько ее красота притягивала его взгляд, мало ли вокруг смазливых девиц. Главное – ее эмоции. Они так отличались от того, что могла испытывать толпа, присутствующая в суде: любопытство, страх и радостное сочувствие – ах, бедняжка! Но хорошо, что все это случилось не со мной!

Там же он видел нечто другое: искреннее страдание, привязанность, боль. Не то чтобы он раньше не встречал подобных эмоций. Надо сказать, все это далеко не самая любимая его еда. Но здесь они были чисты, как вода в горном роднике, искренни и... потрясающе сильны!

Он поймал себя на мысли, что хотел бы заполучить эту девушку. Это было бы приятным разнообразием в его жизни. Но, увы! Он ясно видел, что она не из тех, кого можно соблазнить деньгами, даже большими деньгами. Деньги – отличная штука, но на них не купишь ничего действительно стоящего. А она была стоящей, это точно, уж он-то в таком разбирался...

Он стоял, укрытый от посторонних взглядов плащом, и размышлял.

Так, раз деньгами не выйдет, то может быть предложить ей работу? Или даже им обеим, когда этот фарс с судом закончится? Они могли бы работать у него как вольнонаемные, при замке всегда найдется, чем заняться. Что-нибудь несложное...

Да, именно так он и сделает.

Лаорр уже прикидывал, куда мог бы пристроить сестер, когда объявили приговор: двадцать лет рудников.

Даже Лаорр вздрогнул. Эти люди сумасшедшие?! Какого еще отношения они заслуживают, если к самим себе и себе подобным так относятся?

Двадцать лет рудников за глупую детскую выходку! Что

за нелепая жестокость.

Он обязательно подойдет к судье и уладит дело. За несколько серебряных монет жирный боров продаст и мать родную. А уж выпустить под шумок преступницу – и вовсе несложно. А потом взять их в замок...

Лаорр торопился, у него была еще куча дел, которые требовали его внимания. Но взрыв эмоций, чудесный чистый коктейль потрясающей силы от трагедии, разворачивающейся у него на глазах, приковал его к месту.

А потом, словно гром среди ясного неба прозвучало:

– Я заявляю о компенсации!

Лаорр в первый момент растерялся. Что она несет? Зачем?

Брать человеческое существо в собственность? Ему всегда казалось это дикостью.

Соглашение древнего образца. Да кому оно нужно сейчас, когда всё давно уже решают деньги?! Расторопные мамы наперебой предлагают темным невинность своих дочерей, тех что посимпатичнее. А когда дело сделано, прелестницы покидают жилище темных, сжимая в руках заветные кошельки с деньгами. И все довольны.

А вот та, что будет передана по древнему соглашению, никуда не уйдет. Зачем ему такая обуза?

Он уже собирался отказаться и привести в исполнение свой изначальный план, но бросил мимолетный взгляд на перепуганную, натянутую как струна девушку, которая напря-

женно ожидала его ответа, и передумал.

Судья спросил его о согласии. А ведь тогда еще можно было все изменить! Предчувствие, что он совершает роковую ошибку, уже было. Но он не послушался инстинктов и ответил «да»...

– Свободнорожденные человеческие женщины могут быть чрезвычайно строптивы, – вкрадчиво нашептывал пристав. – Поэтому был разработан ритуал, позволяющий усмирить их нрав и облегчить период адаптации. Это важная часть процедуры. Тут требуются определенные приготовления. Вам следует вернуться за вашим имуществом через два часа, чтобы мы могли провести ритуал передачи...

После этого разговора ему захотелось вымыть руки.

Лаорр покинул зал суда и отправился по делам, которых было немало. Он даже успел встретиться за обедом с одним из своих брокеров. Тот сообщил тревожные новости с биржи. Беседа затянулась, и Лаорр опоздал к началу чертова ритуала.

А когда вошел в мрачный зал подземелья, едва сдержался, чтобы не испепелить пристава.

Девушка лежала на каком-то грязном камне, связанная, в разорванном платье! Даже если эти ублюдки решили, что она больше не свободный человек, а всего лишь его собственность, то кто, покарай вас боги, так обращается с чужими вещами?!

Он едва сдерживался, чтобы не выместить злобу на мерз-

кого вида человечишке, который крутился рядом. Но сдерживался. Сейчас это не просто человечишка, а винтик в механизме системы.

А вступать в конфронтацию с системой – себе дороже.

Человечишка, кажется, не понимал, с каким безразличным отращением относится к нему Лаорр. Или понимал? И именно поэтому потребовал, чтобы он продемонстрировал, как девушка «откликается»...

Как будто человеческая девушка в принципе может не откликнуться на желание темного...

«Мы можем расторгнуть соглашение», – сказал он.

Вот тогда у Лаорра был последний шанс. Он еще мог разозлиться, пойти на принцип и сказать – хорошо. Расторгаем. Да, это стоило бы жизни рыжей девчонке, потому что после такого договориться уже не получилось бы. Но какого черта его должно это заботить?!

Однако почему-то заботило, и он, стиснув зубы, подошел к постаменту.

Коснулся девушки – и его обожгло ненавистью и страхом. Что-то новенькое! Он продолжил трогать руками ее тело, с удовольствием ощущая, как к терпким, но неприятным на его вкус эмоциям добавляется желание, вожделение, а затем и страсть. Яркая, сильная, чистая...

Он не собирался доводить дело до конца и услаждать похотливый взор судебного пристава... Лишь пробежаться пальцами по телу, чтобы вызывать ответную дрожь. И нако-

нец обратиться из этого зала.

Но, прикоснувшись к ней, не смог остановиться. Он продолжал ласкать ее, вести по дороге наслаждения, пока не довел до пика, до разрядки. Забыв о плящемся на них приставе, забыв об омерзительном месте, в котором все происходило, забыв вообще обо всем.

И дело было не в том, что он так увлекся этой игрой, хотя, конечно, он увлекся. Все время он чувствовал чужую волю. Это она заставила его продолжать. То ли мольба, то ли приказ: не останавливайся...

Эта странная девушка подчинила его своей воле! Пусть ненадолго, пусть она просто застала его врасплох, пусть она сделала это тогда, когда их желания совпадали! Но она сумела. А подобное могло означать только одно...

* * *

Лаорр бы так и сидел в задумчивости, но дверь отворилась, и в покои вошел управляющий. Заметив, что хозяин не в духе, он выдержал паузу, прежде чем начать говорить.

— В замок доставили новую девушку... Прикажете привести?

Глава 7. Лаорр

Первым порывом было отказаться. Доставили и доставили. Подождет. Поживет в замке день-другой, освоится. Потом можно будет пригласить ее для знакомства. Прикоснуться к ее чувствам, попробовать их на вкус. Смутить...

– Приведи, – неожиданно для себя сказал он.

И остался недоволен. Что-то слишком много спонтанных решений для одного дня.

Управляющий с поклоном вышел.

А через несколько минут дверь снова распахнулась, и в покои вошла девушка. Лаорр смерил ее долгим пристальным взглядом и, по-хозяйски откинувшись на спинку дивана, жестом приказал повернуться.

Высокая, крепко сложенная, с копной густых рыжих волос, подколотых шпильками, девушка излучала абсолютную покорность. Декольте длинного темного платья было таким откровенным, что казалось, наклонись она – и упругие, как две дыньки, груди выскочат наружу. Богатые изгибы тела, узкие ступни, тонкая талия, крутые пышные бедра – все как он любит.

А как он любит? Перед глазами словно наваждение всплыл другой образ – изящная хрупкая фигура, распростертая на камне... Прочь!

Лаорр заглянул девушке в глаза и недовольно нахмурился.

Она волновалась. Но волновалась обыденно. Так волновалась бы горничная, вздумай он провести белоснежным платком по книжным полкам. Он не был ей приятен или не приятен... Да-да. Она пришла, чтобы выполнить работу, за которую ей щедро заплатят.

И не больше.

Лаорр всматривался в девушку в надежде уловить трепет предвкушения, страх от того, что та впервые с мужчиной, но находил лишь горьковатый аромат покорности, с которой она готова была выполнять любые приказы.

Она явно хотела ему понравиться. Глубоко дышала, вздымая высокую грудь, смотрела призывно. Но вот беда: то, что раньше пробуждало в нем зверский аппетит, сейчас вызывало стойкое раздражение.

А тот образ, пронзительный и манящий, настойчиво преследовал его. Даже сейчас.

Лаорр стиснул челюсти и снова попытался отогнать наваждение, и снова не преуспел. Черт бы ее побрал!

Не стоит сейчас о ней думать. Вообще никогда не стоит. Она должна исчезнуть из замка, из его мыслей, из его жизни, и чем быстрее это случится, тем лучше для всех.

Он повелительным жестом приказал деве подойти ближе, и та молча повиновалась. А приблизившись, одарила его улыбкой, достойной самой прожженной шлюхи из веселого дома.

Безмозглая кукла!

Лаорр втянул носом воздух. Ноздри затрепетали, вдыхая усилившийся пряный аромат. Любопытство. Праздное.

Всё не то. Внутри закипал гнев.

– Раздевайся, – грубо велел он девице.

Та безропотно выполнила приказ, провела ладонями по плечам, и тонкое платье, соскользнув, плавно опустилось у ног.

Ни тени смущения. Сколько раз она вот так сбрасывала одежду перед мужским взором?

– Подойди, – глаза его яростно сверкнули.

Рыжая сделала несколько шагов и замерла, опустив глаза в пол. Он чувствовал, как ускоряется сердечный ритм, как кровь все быстрее бежит по венам, а внутри просыпается чудовищный голод.

Лаорр обхватил девичье запястье, погладил большим пальцем нежную кожу и с силой смял тонкую бледную ладонь. Девушка вскрикнула от боли. Он чувствовал страх и вожделение, поднимающиеся из глубин ее существа, но все же этого было мало.

– Посмотри на меня.

Девчонка подняла горящий взгляд. На одно лишь мгновение перед ним возникли глаза Мираи – жгучая смесь ненависти и зарождающегося желания, и в паху заныло. Вместе с этим ощущением нахлынула ярость.

– Опустись на колени, – процедил он сквозь стиснутые зубы и грубо дернул девчонку за руку.

Та тихо охнула и с глухим стуком рухнула на колени. Лаорр сгреб в кулак рыжие волосы и, потянув за них, приподнял ее голову лицом вверх.

– Ты знаешь, что нужно делать?

– Да, – ответила она, облизнув губы.

Откуда, черт возьми? Откуда ты знаешь?! Прелестная невинная дева, за которую было уплачено серебром!

Лаорр спустил штаны и, снова вцепившись в рыжую копну, пригнул голову девчонки к напряженному члену.

Нужно просто расслабиться. Все войдет в норму, как только Мирая окажется далеко от этих мест. Но что-то не давало ему покоя. Странное чувство, что как прежде уже не будет, ослепляло разум, и Лаорр, скрипнув зубами, нетерпеливо дернул рыжие пряди вниз.

Девчонка судорожно всхлипнула, взметнув густой аромат страха, и обхватила губами упругий член. По телу тут же прокатился электрический разряд. Хриплое рычание вырвалось из груди, нарушив застывшую тишину. Лаорр подался вперед, ощущая, как уперлась головка в нежное небо, проник глубже и замер.

Девушка заскользила губами по напряженному органу, погружая его во влажную полость, сглатывала, сжимая головку горловыми мышцами. Протянула ладони к яичкам и нежно погладила сморщенную кожу. Скользнула губами вверх по древку, задержалась на пару мгновений возле натянутой уздечки, лаская ее языком. Что ж, в этом девица была

хороша. Она заставляла Лаорра дышать хрипло и часто, то и дело срываясь на стон.

И в то же самое время, когда его тело содрогалось от удовольствия, в душе нарастала злость. Юная дева ласкала его не хуже опытной шлюхи. Он откинулся на спинку дивана, вбирая в себя похоть и азарт, источаемые ею, и попытался расслабиться. Не получилось.

Его раздражало все: горьковатый привкус эмоций девчонки, словно в них подмешали что-то искусственное, воспоминания о чистом вожделении, исходящим от Мираи там, в зале... и осознание того, что отныне он не сможет получить истинное удовольствие от своей обычной трапезы.

Довольно!

Лаорр намотал на кулак рыжие пряди и вошел грубо, глубоко, на всю длину. Он продолжал удерживать голову девушки в таком положении до тех пор, пока не почувствовал судорожный спазм в ее горле. С удовлетворением вобрал в себя порцию паники и ослабил хватку.

На девичьих глазах показались слезы. Вот так-то лучше. Зато теперь он получит хоть что-то настоящее. Он продолжал врываться – грубо и зло. Смотрел, как, прокладывая сверкающие дорожки на покрасневшихся щеках, струятся из-под прикрытых век слезы.

– Ты ко всему готова? – хрипло прошептал он и с наслаждением ощутил новый прилив ее страха.

Он рывком отдернул ее голову и плотоядно оскалился.

Внутри разгоралось животная ярость.

– Встань на ноги и упрись лицом в диван, – велел ей.

Девушка поспешно повиновалась. Лаорр встал позади соблазнительно изогнувшейся фигуры. Скользнул пальцами между ног. Она была влажной и слегка дрожала. Так и должно быть... Он надавил чуть сильнее. Она охнула и протяжно застонала.

Ну что ж, веселье только начинается.

Глава 8. Лаорр

Он скользнул рукой по ее спине и с мрачным самодовольством отметил, как напряглось горячее тело. В висках с бешеной силой пульсировала кровь, и в каждом ее толчке отдавалось тяжелое биение девичьего сердца.

Она боится.

Лаорр втянул ноздрями воздух, смакуя ее безотчетный страх, и с силой сжал бедра. Из груди вырвалось глухое рычание. Он скользнул членом между ягодиц, вверх, вниз. Ощутил приторно-сладкий аромат вожделения, идущий от девушки, и медленно вошел в нее. Вначале неглубоко, лишь дразня и пугая. Он почувствовал, как сжались вокруг головки мышцы, и новая порция эмоций выплеснулась наружу.

Мало, черт возьми, ну же!

Продвинулся чуть глубже, продолжая удерживать бедра девчонки. Та дрожала в его руках, негромко стонала, бессмысленно пытаясь доставить ему удовольствие. Ее жалких эмоций хватало лишь на то, чтобы усилить чудовищный голод. Слепая ярость охватила сознание Лаорра, и он, до красноты стиснув податливые девичьи бедра, с глухим рычанием погрузился в узкую расщелину.

Пространство огласил громкий жалобный стон. Мышцы судорожно сжались, пытаясь вытолкнуть его наружу, но эта жалкая попытка только усилила kloкочущий в нем гнев. Ла-

орр почувствовал, как головка уперлась в невидимую преграду.

Юная дева формально девственна, хотя и развращена... Никто не стал бы обманывать темного в главном. Такой обман стоил бы девушке жизни.

Продолжая удерживать девушку за бедра, он резко подался вперед. Раздался утробный крик, и в воздух взметнулся горьковато-пряный аромат ужаса и боли.

Лаорр тут же поглотил мощный выброс энергии и, помедлив пару секунд, продолжил жестко вбиваться во влажную глубину. Девчонка извивалась под ним, издавая протяжные стоны, с каждым движением выплескивая наружу коктейль из новых эмоций.

Но и этого ему было мало. Он мял округлые бока девушки, погружаясь в горячую плоть до самого основания, замирал на несколько мгновений, ощущая, как судорожно сжимаются вокруг члена мышцы, а затем медленно выскальзывал наружу, чтобы повторить все снова.

Он не думал о последствиях и уже не пытался сдерживаться. Сейчас ему было все равно, что станет с девчонкой. Все, что его волновало – это утолить мучительно-неестественный голод, который с каждой новой порцией эмоций только усиливался.

Стон девушки приобрел другой оттенок. Боль, наконец, оставила ее тело, а вместо нее пришло наслаждение. Податливые бедра стали двигаться ритмичней, насаживаясь на

твердый член все глубже и яростней. Сладковато-приторные ароматы вожделения и похоти опьяняли.

Он впитывал стоны восторга и страсти, поглощая все до последней капли, но не чувствовал облегчения. Вцепившись одной рукой в густую рыжую копну, он рывком задрал голову девчонки. Та хрипло застонала и похотливо облизнула губы. Быстро же эта кукла пришла в себя.

Вкус эмоций становился все приторней, голод не уходил. Лаорр склонился к спине девушки и, продолжая двигаться, обхватил ее горло обеими руками. Как же хотелось сжать пальцы. Задыхаясь во время соития, человек выплескивает самые изысканные эмоции – те, которые могут утолить голод любого гурмана. Такое блюдо было ему вполне по карману. Чуть больше денег семье, которая не дожидается девицу домой...

Черт возьми, он не станет этого делать.

Лаорр перехватил девчонку поперек талии и крепко прижал к себе горячее тело. Вдыхая феерическую смесь разнообразных эмоций, он продолжал вбиваться в податливую плоть, грубо мял упругие груди. Рыжая стонала и всхлипывала, мотала головой, яростно насаживаясь на член. Удар за ударом, быстрее, быстрее... Пока, наконец, не достиг самого пика. Из груди вырвалось протяжное рычание, и тело сотряс мощный оргазм. Лаорр чувствовал, как густая вязкая жидкость пульсирующими толчками выплескивается наружу, пальцы судорожно впились в раскрасневшиеся бока дев-

чонки.

Финал. Облегчение.

Но вместо обычного чувства сытости внутри образовалась странная щемящая пустота, а вслед за ней вернулся голод.

Нет! Что, черт возьми, с ним творится? Так не должно быть...

Лаорр посмотрел на девушку. Она тяжело дышала и пожирала его затуманенным страстью взглядом. Ничего личного. Просто магия темных. Люди не в состоянии ей противиться.

А что если... Если взять ее снова.

А если и этого будет мало, то еще и еще... и еще. До тех пор, пока она не останется лежать на смятых простынях неподвижной и бездыханной.

Проклятье!

С тихим рычанием Лаорр оттолкнул от себя девушку. Та, словно сломанная кукла, рухнула на диван.

– Убирайся, – просипел он едва слышно, а затем заорал: – Пошла вон!

Девчонка подняла полный ужаса взгляд, окутав его напоследок густым облаком страха, и обхватив дрожащие плечи руками, выскользнула за дверь.

Лаорр направился в ванную. Наполнил лохань холодной водой. В его замке можно было позволить себе и горячую, но сейчас это было ни к чему. Тело и без того горело. Он опустил в ледяную воду и попытался успокоиться.

Что с ним происходит?

Во-первых, он использовал и испортил игрушку, которая могла бы развлекать его и кормить еще несколько дней... А новую вряд ли подыщут быстро.

Во-вторых, он не насытился, скорее наоборот. Его голод разгорался со все большей силой. Но главное – и у него внутри все сжималось от этой мысли – он только что был готов убить девицу, лишь бы получить чуть больше энергии.

Ладно, не убил. Смог остановиться. И все же – что с ним происходит? Он не знал. А вот кто в этом виновен – знал очень хорошо.

Лаорр вылез из ванны, наскоро обтерся, набросил шелковый халат и быстрым шагом направился через весь замок – туда, где сейчас находилась причина всех этих внезапных и неприятных перемен.

Глава 9. Мирая

Еда была очень вкусной. Именно еда, потому что я понятия не имела, как называются и из чего приготовлены те роскошные блюда, которыми я наслаждалась. Оставшись одна, без пристального изучающего взгляда невозможно синих глаз, я расслабилась и смогла воздать должное мастерству местного повара в полном объеме.

Нет, это, конечно, не значит, что я в одиночку умудрилась съесть то, что было наготовлено, кажется, на двадцать человек, но по ложечке каждого блюда я точно попробовала.

Прошло достаточно много времени, прежде чем я насытилась и с трудом встала из-за стола. Думаю, опасения служанки были совершенно напрасны. Если все время так питаться, то очень скоро от того, что она называет худобой, и следа не останется. Я побрела к выходу из зала, на ходу пытаюсь сообразить, как добраться до своей комнаты. Никто меня не удерживал... Значит можно? Темный велел поесть. И только. Распоряжения ждать его здесь не было.

И только я ступила в коридор, тут же нос к носу столкнулась со служанкой, которая, как выяснилось, так и ждала меня у двери.

– Пойдемте, отведу вас в ваши покои, – со вздохом сказала она и окинула меня таким взглядом, как будто дела мои очень плохи.

Я хотела спросить, в чем дело, но она пошагала вперед, и мне пришлось следовать за нею. Да и вести беседы в коридорах замка что-то не хотелось. Вести беседы вообще нигде не хотелось. Но, только дверь моей комнаты затворилась за нами, женщина заговорила сама:

– Убежал, значит? – она покачала головой. – Даже обедать не стал! Видать, ты ему совсем не понравилась... Ну моей вины тут нет, я сделала все что смогла.

Я вспыхнула. Казалось бы, ну какое мне дело до того, понравилась я ему или нет. Нет? Так даже лучше... Но почему-то было неприятно это слышать.

– Может быть, просто спешил куда-то... – зачем-то начала оправдываться я.

В конце концов, откуда она может знать, почему он убежал?

– Еще как спешил, – усмехнулась женщина и прошла через всю комнату к кровати. – Не успел уйти, тут же повелел девицу доставить.

– Девицу?

– А то как же! – ответила она, взбивая подушку. – Красивая, фигуристая!

Это было новостью для меня. Впрочем, для меня все было новостью.

– Значит, тут есть еще девушки? Ну... которые... – Я не закончила, но она меня и так поняла.

– Девиц хватает. Каждую неделю меняются... – женщи-

на оставила в покое одну подушку и принялась за вторую. — Только те вроде как вольнонаемные. Доставили, он развлекся, получил свое — да и домой! — стукнув последний раз в мягкий подушкин бок, она обхватила ее обеими руками, прижав к животу, и посмотрела на меня с жалостью. — Таких, как ты, еще не было.

— Что значит — таких, как я? — переспросила я с испугом.

— По древнему соглашению которые. Ты-то уйти куда не сможешь. И соглашение это уже никак не отменить. После того, как он свое получит, может, на кухню отправят, — она окинула меня оценивающим взглядом и вздохнула: — Да уж больно ты слабая, помрешь еще там, котлы тягачи...

Женщина махнула рукой и отвернулась, пристраивая подушку в изголовье кровати. А у меня от этих ее слов: «он свое получит», мурашки побежали по коже. Что она имеет в виду? Какое такое «свое»? Надо было расспросить об этом, но я почему-то сказала совсем другое, глупое, неуместное:

— Видимо, из вольнонаемных девиц тоже никто особо не нравится, раз ни одну из них больше недели не держит!

Женщина удивленно выпрямилась:

— Ты придуриваешься или и правда не знаешь?

Я пожала плечами. Откуда мне знать особенности личной жизни темного?

— Чего не знаю?

Та покачала головой.

— Темный с человеческой женщиной один раз только мо-

жет быть. Пока она еще девица, вроде как защита у нее от его темных чар. А вот если уже после на какую позарится, да оприходуется – тут же и выпьет ее до дна, до самой смертушки.

Я похолодела. Вот значит как...

– Наш-то еще ничего, – задумчиво пробормотала женщина, ловкими движениями расправляя одеяло. – От него все живыми уходят. А слыхала иным темным до того и дела никакого нет. Пользуют бедняжек, пока те живы...

Я опустила на диван. То, что она говорила, не могло быть правдой. В нашем мире! Где есть суды... Законы... Где убийство карается как самый страшный проступок. Хотя... Я ведь знала, что темные способны на все, что им многое сходит с рук. Сама слушала страшные истории о них. И все-таки хотелось верить, что сказители привирают...

Оказалось – нет. Даже недоговаривали.

– Да и с господином Лаорром девы тоже никогда не знают: то ли после всего с хорошим приданым под венец пойдут, то ли в землю лягут, – равнодушно, как о чем-то привычном, сказала женщина и, закончив расстилать постель, выпрямилась, потирая спину. – Риск всегда остается...

– А почему же девушки соглашаются на это?

Она усмехнулась:

– А ты почему пошла?

– У меня обстоятельства, – хмуро ответила я.

Рассказывать ей о сестре я не хотела. Да и зачем? Что-то мне подсказывало, что слухи о причине моего появления в

замке сюда уже долетели.

– Вот и у других обстоятельства, – женщина подошла ко мне и, скрутив мои волосы в узел на затылке, закрепила их там большой шпилькой. – Значит так. Сейчас платье снимем – ступай в ванну. Чтоб была свежа как майская роза. И благовониями умастишься. Кружевную сорочку я тебе приготавлию на постели, а ежели еще понадобится, то возьмешь сама вот тут...

Она шагнула к шкафу и распахнула дверцу. Я ахнула. В прошлой жизни вся наша с сестрой одежда заняла бы максимум одну полочку такого шкафа, а здесь... Сверху донизу прозрачной радугой сияло тончайшее кружево, нежная шелковая вышивка и еще нечто воздушное, невиданное, чему и названия не подберешь. Это же сколько мастериц пальцы себе кололи, чтобы такую красоту создать?

А тем временем служанка уже расстегивала бесконечный ряд пуговиц у меня на спине.

– Выйдешь из ванной, волосы расчеши. Да не наспех, а как следует, – поучала она, – Расчесывай медленно, сверху донизу, пока не заблестят. Да не рви и не дергай. Запомни: волосы всегда должны быть ухоженными. Тело – чистым и ароматным. Лицо – свежим да приветливым. Одну и ту же рубашку дважды не надевать!

– Это еще почему? – спросила я.

– Потому! – отрезали из-за спины. – Ты в любой момент должна быть готова к встрече с господином. Он не спраши-

вает, когда прийти, а ты всегда должна быть хороша собой.

– Сегодня-то точно не придет, – сказала я, – раз уж другая девица у него...

Почему-то голос мой прозвучал очень грустно, хотя, казалось бы, я должна была радоваться. Может быть, дело в том, что эта, безусловно, доброжелательная женщина в своей простоте уже много раз повторила, что я недостаточно хороша?

– Тебе же и лучше, – судя по всему, служанка была со мной согласна. – Ты устала, тебе выспаться надо. Глядишь, поспишь – и хоть немного похорошеешь!

Ох! Опять!

Она помогла мне выпутаться из платья, еще раз показала, где, как и чем пользоваться в ванной, и ушла к огромному моему облегчению.

Я наскоро сполоснулась, стараясь расходовать воду экономно.

Вряд ли я когда-нибудь смогу привыкнуть к этой дворцовой расточительности. У нас с соседями по-другому заведено было. Когда кто-то топил баню, со всей округи к нему мыться шли. Кто попал первым, тому тепло. А для последних уже и воды мало, и замерзнуть можно, если не будешь поторапливаться.

Да и когда пахнешь после такой бани далеко не розами, а дымком и травами. Приятно!

Перенюхав кучу скляночек, я выбрала ту, что пахла трава-

ми. Горьковатый запах, хороший. И все-таки совсем не тот, что дома.

Чистая постель, белоснежное белье, сорочка, расшитая шелком и кружевами... Я улеглась, накрылась одеялом, уверенная, что после всех тягот и волнений сегодняшнего дня сразу же усну. Но сон не шел.

Перед внутренним взором стоял тот самый ненавистный образ: бездонный омут пугающих синих глаз, которые прожигали насквозь, играющие желваки на красивом, словно высеченном из белого мрамора лице, сжатые в тонкую линию губы.

От этого образа по телу разлилась сладостная истома.

Я обхватила руками дрожащие плечи и жалобно всхлипнула. То, что случилось там, в зале – ненормально. Я не должна была испытывать наслаждение. Страх, ненависть, отращение – все, что угодно, но только не наслаждение.

Волнующие воспоминания обрушились на меня лавиной. Я почти физически ощущала, как сильные руки снова и снова ласкают мои соски, заставляя тело замирать от восторга, как нежная ладонь темного прокладывает дорожку от моего пупка к самому сокровенному месту. Бессовестные ласки, которые заставляли меня сгорать от стыда и удовольствия... О, боги...

Если тогда темный был рядом и мое вожеление было вызвано его магией... То что происходит сейчас?

Почему с моих губ рвется мучительный стон, почему го-

рят щеки, словно в лихорадке? Я сдвинула бедра, пытаюсь погасить разгорающееся пламя...

А затем коснулась себя рукой – так, как касался меня он. Провела пальцами по щеке, по шее и спустилась к груди, скользнув дрожащими пальцами под тонкое кружево рубашки. Это было приятно. Так приятно, что хотелось продолжать.

В эту минуту дверь широко распахнулась, бухнув о стену, я испуганно дернулась.

На пороге стоял он. Мой мучитель. И сейчас он был по-настоящему страшен, а глаза его метали молнии.

Глава 10. Мирая

Все мое существо пронзило страхом. Вряд ли темный смог бы уловить то странное чувство запретной неги, что терзало меня перед его приходом. Слишком уж велик был ужас, который я испытывала сейчас. Надеюсь, что достаточно велик...

Темный стоял на пороге. Широкие плечи обнимала тонкая ткань, прилегая так плотно, словно он надел эту странную шелковую одежду, больше похожую на женское платье, чем на мужской наряд, на мокрое тело. В пользу того говорили и влажные волосы, и капельки воды на шее.

Зачем он явился? Отчего так взбешен? Служанка сказала, что он был с девушкой... Страшная догадка появилась из ниоткуда – а жива ли эта девушка? Возможно и нет... С чего бы иначе ему быть здесь...

Все эти мысли проскочили в одно мгновение, повергнув меня в отчаянье. Я сжалась, пытаюсь повыше натянуть на себя одеяло.

А в следующее мгновение темный оказался рядом с кроватью. Я почти физически чувствовала волну гнева, что исходила от него. В неистовой ярости он сорвал с меня одеяло и отшвырнул его в сторону. Теперь меня закрывала лишь сорочка... Но и этого ему было много! Секунда – и тонкая ткань с хрустом расползлась в стороны.

Я инстинктивно попыталась прикрыть свою наготу руками. Глупо. Конечно же глупо. Разве могу я спрятать то, что по праву принадлежит ему, чем он может воспользоваться в любое время дня и ночи? И ведь я сама дала на это согласие...

Но я не могла ничего с собой поделать. Не могла расцепить скрещенные на груди руки...

Зато темный смог – вцепился в мои запястья, сведя руки у изголовья кровати, и мне лишь оставалось стыдливо опустить глаза. От одного только его взгляда, жадно ощупывающего мое распластанное обнаженное тело, меня накрыла новая горячая волна того самого жаркого и стыдного чувства, а вместе с нею пришел ужас.

Боги, да что со мной происходит?

Мое тело сходило с ума в его присутствии. Жгучая ненависть сливалась с неприкрытым безудержным желанием, рождая чудовищные эмоции. То, что я испытывала в этот момент, пугало до дрожи. Все мои помыслы устремились к темному.

Он явно чувствовал все. Вдыхал глубоко, глядя затуманенным взором мне в глаза. А затем наклонился, приблизив свое лицо к моему и обжег губы поцелуем – коротким, болезненным.

На несколько секунд я забыла, как дышать...

А когда восстановила дыхание, обнаружила, что темный внезапно расслабился. Он больше не метал молнии... Не пы-

лал гневом. Дыхание его стало ровным и глубоким. Так выглядел бы человек после сытного обеда. Мне даже показалось, что на суровое лицо легла тень улыбки.

Он отпустил мои руки, но я уже не пыталась прикрыться. К чему это?

– Мы так и не поговорили, Мирая, – заговорил со мной темный. Его рука в это время мягко скользила по моей шее, заставляя меня дышать прерывисто. – Я не хотел портить вам аппетит. Но, полагаю, нам следует познакомиться поближе.

Рука скользнула ниже и остановилась у груди, заставляя мое дыхание учащаться. Тело словно искрило там, где он меня касался.

– Как вам понравились ваши покои? Все ли есть, что нужно? – спросил темный светским тоном. Словно его рука жила своей отдельной жизнью и он понятия не имел, что она творит.

– Все хорошо, – выговорила я, стараясь выровнять дыхание. Голос звучал предательски хрипло.

Горячая ладонь накрыла вздымавшуюся от волнения грудь, и пальцы легонько сжали сосок. С моих дрожащих губ едва не сорвался стон, но я сумела сдержаться...

– Достаточно ли учтива с вами Сандра? – спросил он, продолжая играть с моим набухшим соском.

Сандра? Видимо, та самая служанка, что встретила меня здесь... О, я бы многое могла сказать о ее учтивости!

Ответить я не смогла: его рука скользнула от груди к пупку, вызвав при этом новую волну странного чувства и новый прерывистый вдох. Пожалуй, достаточно будет кивка.

Уголки плотно сжатых губ темного дрогнули. Кажется, то, что происходит, доставляет ему удовольствие! То, что я не могу противиться его магии... Я покрепче стиснула зубы, чтобы не показать, как реагирует на него мое тело.

– Вам понравился обед? – он продолжал задавать вопросы.

Вторая рука накрыла грудь, слегка сменяя ее и лаская сосок подушечками пальцев. Я закусил губу, чтобы не закричать от наслаждения и снова кивнула.

Он сжал сильнее.

Это уже было выше моих сил. Я беспомощно застонала, выгибаясь навстречу его рукам и отчаянно желая провалиться сквозь землю.

– Вы уверены?

– Да-а, – сорвалось с моих губ в ответ то ли на его вопрос, то ли на ласки.

Он удовлетворенно кивнул и медленно провел ладонью по моему животу. Жгучее томление растеклось по телу, грозя унести мое сознание куда-то далеко-далеко от этого места. Я с ужасом ощущала, как отзывается мое тело на каждое его прикосновение, на каждый вздох, срывающийся с его губ. Это какое-то безумие. Этого не должно происходить, но оно происходит...

И вдруг меня озарило. Решение было простым и единственно верным. Сандра – не слишком тактичная служанка – сама того не желая подсказала мне его сегодня. Темный может играть со мной как кошка с мышью... Может заставить меня отзываться на его ласки. Стонать и кричать от наслаждения. Но не так уж и долго.

Как только он возьмет меня по-настоящему – игра закончится. И тогда он либо отправит меня работать – пусть даже на самую тяжелую работу, не важно. Я привычная. Или, не удовлетворившись одним разом, возьмет меня снова. И убьет этим.

Каждый из вариантов куда лучше этой унижительной участи: млеть и стонать в руках нелюдя.

– Если вам что-то понадобится... Если вы чего-то захотите... – он сделал акцент на последнем слове и замолчал. Рука его тоже остановилась, не доходя до того места, где все уже пульсировало и жаждало его отвратительных, бесстыдных, но таких сладких прикосновений, – вам следует дать мне об этом знать.

Его синие глаза горели сладострастным огнем. А ласкающая мое тело рука вдруг изменила направление и двинулась вверх, заставив меня разочарованно выдохнуть. Разочарованно?! Вот именно!

Нет, так не может продолжаться... Я должна вернуть себя – себе. Или умереть.

– Я поняла... – прерывисто выдохнула я.

И сделала то, чего никогда не сделала бы в другой ситуации. Провела рукой по гладкой ткани его странной одежды, легко отодвинула ее в сторону, обнажив мощное плечо.

Теперь уже он замер, ожидая, что будет. О, вам понравится, мой господин, мой хозяин! Я осторожно скользнула рукой по жаркому телу, удивляясь про себя приятной упругости его мышц. Выше, еще выше. Касаюсь шеи. Ловлю его нечаянный вздох – почти незаметный, короткий, страстный.

Пусть это случится прямо сейчас!

Я обняла его за шею и с силой потянула на себя. И тут же почувствовала приятную тяжесть мужского тела и обжигающее касание губ губами.

Глава 11. Мирая

Я с готовностью ответила на поцелуй. Внутри с новой силой вспыхнуло пламя, а разгоряченная кожа тут же покрылась испариной. Пальцы вплелись во влажные волосы темного – густые и непослушные. Я вдохнула их пряный с горчинкой аромат, ощутила едва уловимый привкус мяты во рту, и легонько втянула в себя его губу.

Сладостное томление в теле заставляло мои бедра сжиматься. От тяжести тела, вдавившего меня в кровать, было трудно дышать, но это лишь сильнее распяло мою ненавистную жажду. Впрочем, сейчас это было даже кстати. Чем яростней будет страсть, тем скорее все закончится.

Служанка была права. Пусть этот темный и привык к девушкам другого склада, но сейчас он дрожит от предвкушения в моих объятьях. И эта мысль почему-то заставляет мое сердце сладостно замирать.

Мой!

Я стянула с него странные одеяния, и его горячее рельефное тело обожгло мое собственное. Я чувствовала, как кровь все сильнее стучит в венах. Темный разорвал наш жаркий поцелуй, приподнялся на локтях и пристально взгляделся мне в глаза. Неужели о чем-то догадался?

Не стоит этого допускать!

Я поспешно обвила его бедра ногами, прижимая к горя-

чей промежности, разомкнула губы и, приподняв с подушек голову, легонько прикусила его губу.

Темный глухо зарычал. Нравится, мой господин? То ли еще будет!

Я потянулась к его губам и накрыла их самым страстным поцелуем, на который была способна. Боги, как я желала его! К моему глубокому облегчению, на этот раз желание совпадало с личными целями. Касаясь влажной промежностью низа его живота, я ощущала исходящий от его тела жар. Легонько поерзала.

Ну же! Я практически была уверена, что темный вот-вот сорвется, силой лишит меня девственности. Но он продолжал оглаживать мое тело, повторяя изгибы бедер, скользил теплыми ладонями по груди и ни на миг не отрывался от моего рта.

Что же он медлит? Еще сильнее сжать бедра, со стоном выгнуться ему навстречу, потереться промежностью о его восставший орган – и задохнуться от нахлынувшего жара. Я чувствовала, как дрожит от возбуждения его тело, как пульсирует в висках кровь.

Я оторвалась от его губ, провела губами по щеке, прикусила мочку уха и выдохнула:

– Ну же...

Темный замер. Схватил меня за плечи, вдавил в кровать... Сейчас это случится. Я замерла в ожидании, предвкушении, томлении... Но вместо того, чтобы овладеть мной,

он внезапно отстранился. В потемневших глазах отражалось изумление.

Я инстинктивно потянулась к нему. Мне хотелось касаться его, прижиматься... Я хотела его рук на своем теле и его языка у себя во рту. И пусть все это было частью моего коварного плана, я не могла перестать этого хотеть.

А потом вдруг свет стал меркнуть, а его лицо – тонуть во тьме.

Глава 12. Лаорр

Она уснула быстро, как и положено человеку, если приказ отдает темный. Лаорр с облегчением вздохнул, когда она задышала ровно и спокойно. Уже что-то. Кажется, когда речь идет об этой девушке, ни в чем нельзя быть уверенным.

А Лаорр еще долго сидел рядом, с недоумением глядя на стройную фигуру, на темные волосы, разметававшиеся по подушке.

Когда он ворвался в ее комнату, он был голоден, чудовищно голоден, а уже через несколько мгновений ощутил такой прилив энергии, что стало страшно: куда ее всю девать. А потом, пока он играл в свои игры – с вопросами и ласками попеременно, она едва не повторила свой утренний фокус. Она снова взяла его под контроль.

Лаорр провел ладонью по нежному изгибу шеи, скользнул по животу, наслаждаясь мягкостью бархатистой кожи. Несмотря на сытость, которую он ощущал, желание касаться бледного, словно у фарфоровой куклы, тела не покидало его. Довольно!

Он поискал глазами, нашел одеяло, которое отшвырнул, явившись в комнату. Бережно накрыл ее. Еще раз окинул взглядом, немного подумал и улегся рядом.

Наверное, следовало идти к себе в покои и уже там с холодной головой обдумать все, что случилось, и попытаться

найти решение. Но уходить не хотелось. Хотелось оставаться здесь и размышлять обо всем не где-то там, а рядом с нею, задумчиво перебирая темные пряди ее волос.

Ладонь скользнула под одеяло и очертила изгиб бедра. Спустилась ниже, оглаживая голень, ощущая изящную тонкость лодыжек.

Откуда в нем взялось столько нежности? Почему что-то внутри сжимается от каждого прикосновения к этой девушке? Почему она имеет над ним такую власть?

Впрочем, он уже знает ответ. По крайней мере, догадывается.

* * *

Человеческие девушки, которых берут к себе темные, теперь редко становятся их собственностью. Мрачные времена Дальневековья давно прошли. Некоторые из наложниц задерживаются надолго, а некоторые, как его сегодняшняя игрушка, покидают замок сразу же. Есть еще и те, что не покидают его никогда. Кто-то умирает из-за неосторожности темного, кому-то находится работа в замке...

А кто-то беременеет. Впрочем, этого девушки стараются не допускать, используя какие-то свои женские хитрости. И их можно понять: судьба такого ребенка однозначна – матери его не оставят. Кровь темных не должна попадать к людям. Кровь темных слишком ценна для того, чтобы ею раз-

брасываться. Поэтому младенца, будь то девочка или мальчик, заберут в интернат.

Лаорр внимательно рассматривал Мираю: тонкие черты лица, тело хрупкое, но невероятно выносливое, рост – гораздо выше среднего человеческого. Удивительно правильные черты лица. Как только этого никто не заметил?

Как такое могло случиться? О, такое как раз легко представить. Мать Мираи, узнав, что забеременела от темного, скрыла это от всех. Возможно, переехала в другой город... А возможно, просто вышла замуж сразу же, как только вернулась из покоев аристократа. Наверняка и «отец» Мираи был уверен, что воспитывает своего ребенка.

Потом у них родилась уже своя девочка, совсем не похожая на старшую сестру. Но такое бывает. Братья и сестры часто не похожи. А мать не рассказала Мирае, кто та на самом деле, из лучших побуждений... Надеюсь, что все как-нибудь обойдется.

Не обошлось.

В этой девушке течет кровь темных. Только этим можно объяснить ту странную власть, что она над ним обретала – пусть спонтанно и ненадолго.

Хитрая бестия! Она ведь нарочно хотела его спровоцировать. Заставить испортить свою игрушку. Или даже ее сломать! И он едва не подчинился...

Лаорр задумчиво провел по ее щеке... Если бы у него оставалась хоть капля разума, он бы сделал сейчас то, чего

не сделала ее мать: отдал бы Мираю властям.

Она может быть опасна. Да нет! Она наверняка опасна, хоть и сама не подозревает об этом... И теперь началась совсем другая игра, где охотником может стать она, а жертвой — он.

Да только он не сможет отказаться от этой игры. Он никому не отдаст эту девушку и никуда ее не отправит. Теперь это было яснее ясного. Он постарается удержать ее возле себя как можно дольше. Столько, сколько это будет возможно.

Он поднялся с кровати и быстрым шагом покинул комнату. Пересек замок, вернулся в свои покои и велел слуге позвать управляющего. Тот появился быстро. Выглядел довольно заспанным, но одежда его была в порядке, а взгляд — учтив и кроток, как и положено.

— Доброй ночи? Что-то случилось?

— Нет! — отрезал Лаорр. — Разыщи мне артефактора. Лучшего! Лучшего из лучших!

— Будет исполнено. К обеду его доставят в замок.

Управляющий не двинулся с места, словно ждал чего-то еще.

— Ну и что же ты медлишь?

— Вы не сказали, что ему нужно заказать...

Лаорр нахмурился:

— Об этом я скажу ему лично.

— Как вам будет угодно. Я могу идти?

— Ступай!

Если управляющий и удивился этой его странной просьбе, то не подал виду.

Глава 13. Мирая

Когда я проснулась, солнце было уже высоко и нахально пробиралось сквозь плотные шторы.

Сколько же я проспала? И почему провалилась в сон так резко и так глубоко? Стоило только об этом подумать, как воспоминания о вчерашнем вечере нахлынули все и разом. Да, сон был глубок, и я не помнила никаких сновидений, но зато явь была ужасней любого кошмара. Темный на пороге моей комнаты... Жаркий поцелуй... Тяжесть тела и сладкое томление...

Я откинула одеяло, чтобы взглянуть на себя. Нет, даже робкой надежде на то, что это все-таки был сон, пусть и очень яркий, не суждено было оправдаться. Тончайшая ткань, изящные кружева, искуснейшая вышивка – результат многочасовой работы неведомых мне мастериц – всё это было разорвано, постыдно обнажая тело.

– Доброе утро, – раздалось почти над ухом, и я вздрогнула, натянула на себя одеяло и только после этого осмелилась поднять взгляд.

Сандра. «Добрая и учтивая» служанка. Или моя тюремщица, тут уж как посмотреть.

– Поздравляю, – спокойно сказала она, но в ее голосе слышалась едва скрытая насмешка.

Я вспыхнула. Не с чем тут поздравлять.

– Приведите себя в порядок, а я прикажу, чтобы подали завтрак, хотя впору нести обед.

– Я смогу поесть здесь? – спросила я с робкой надеждой. Идея идти туда, где меня могут увидеть, совсем мне не нравилась.

– А где ж еще! Неужто ты думала, хозяин будет тебя каждый день с собой за стол сажать? Забудь, – хмыкнула она.

Я откинула одеяло, чтобы встать, и взгляд вновь упал на бесстыдно обнаженное тело в развале изорванной рубашки.

– Думаю, это можно починить, – прошептала я, словно оправдываясь, – пустить сверху вышивку. Так красиво я, конечно, не смогу, но все равно получится неплохо.

– Об этом не беспокойся, – махнула рукой Сандра, немного подбрав. – очередь на драные тряпки на месяц вперед расписана. Есть кому починить, и уж точно не пропадет. Давай поторапливайся: хозяин давно уже встал и людей принимает. А ну как захочет тебя видеть. А ты все еще лахудра лахудрой.

Учтивость как она есть! Впрочем, реверансов я и не ждала. Простая грубоватая речь служанки нравилась мне куда больше, чем изысканные насмешливые фразы темного.

Сандра забрала жалкие остатки рубашки и вышла, а я не без труда поднялась на ноги. Сон был глубоким и тяжелым, и я словно бы продолжала спать.

Подойдя к зеркалу, я взглянула на свое отражение и охнула. Бесстыдно припухшие вишневые губы и едва замет-

ный след от поцелуя на шее говорили о моем ночном позоре ничуть не меньше, чем разорванное белье. Снова нахлынули воспоминания о прошедшей ночи. Не в силах отвести взгляд, я смотрела в зеркало, и видела жаркие руки темного, блуждающие по моей груди, его сильное тело, прижимающееся к моему... Я приоткрыла рот и почти физически ощутила его губы на своих губах, соски напряглись и заныли. По спине прокатилась волна сладостной дрожи, огнем опалило низ живота, отозвавшись пульсацией между ног...

Стоп! Я отчаянно потрясла головой, до боли впившись зубами в щеку и медленно приходя в себя. Это просто наваждение какое-то! Довольно! Я решительно посмотрела в зеркало – лицо заспанное, волосы растрепанные. Вот не буду ничего делать! Пусть увидит меня такой! Может быть, и все потеряет ко мне интерес, заменит кем-нибудь из проходящих девушек.

Впрочем, я и сама понимала, что это полнейшая глупость. Если я откажусь прихорашиваться, Сандра, пожалуй, меня свяжет и насильно приведет в порядок. Так что к тому времени, как она явилась, я была, как и положено, умыта, причесана, припудрена.

Во всяком случае, мне так казалось, но у Сандры, видимо, было на этот счет другое мнение. В ее взгляде читалось, что хорошо мне удалось лишь умыться, и то не факт. Она покачала головой и взялась за меня всерьез, ворча про бестолковых девиц, у которых руки... Что не так с моими руками, я

не расслышала, но, подозреваю, что ничего хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.